

Надежда Нелидова

Молчание девчат

Рассказы, очерки

Молчание девчат

Есть старый добрый (в смысле «добротный») триллер. Николь Кидман в роли убитой горем молодой женщины. На операционном столе она потеряла не только будущего малыша, но и счастье стать матерью.

За врачебную ошибку страховая компания выплачивает ей 20 миллионов долларов. Стол переговоров, адвокаты, скорбно опустивший лицо хирург. Николь в трауре, с неподвижным от страдания, негодования и презрения лицом...

Пачкаться о какие-то паршивые 20 миллионов, когда такая трагедия... Ну, там дальше сюжет резко закручивает в другую сторону.

А буквально на следующий день по телевизору передача о смерти трёх близняшек в перинатальном центре — не киношной смерти, а настоящей. Как они умирали один за другим. Как врачи скрывали от матери причину смерти.

— А-а-а! — вскрикивает от ужаса аудитория.

Из-за занавеса выходит другая женщина: недавно в том же центре потеряла дитя.

— Ы-ы-ы! — возмущённо стонет аудитория.

И ещё пострадавшие от той клиники: супружеская пара, осиротевшая без долгожданного младенца. Но они не собираются опускать руки. Они будут бороться.

— О-о-о! — одобрительно гудит аудитория.

А вот этой матери удалось отсудить у больницы компенсацию за умершего ребёнка и потерю репродуктивной функции (удалили часть матки). Не 20 миллионов долларов, конечно — а миллион рублей. Но, сами понимаете, с паршивой овцы... (Аплодисменты зала).

То есть, подвижки наблюдаются: граждане потихоньку учатся защищать своё и своих детей здоровье, жизнь, честь и достоинство.

* * *

Меня раздрают противоречивые чувства. Тут нельзя судить с одной колокольни. Бывает, наши врачи совершают чудеса — их зарубежным коллегам и не снились. На старой аппаратуре, за свою позорную, копеечную зарплату, совершают невозможное. Вытаскивают человека с того света.

Поэтому у хирургов ранняя смертность. изнашивается сердце. Ну и печень: пациенты благодарят фальсифицированным коньяком в красивых коробках. Не нарочно: просто другого, не

суррогатного, в магазинах нет.

Кто-то спасает, а кто-то убивает своим непрофессионализмом, равнодушием и хамством.

Можете не соглашаться, но это отношение врачей к больным пришло из советского прошлого. Когда Кобзон задумчиво пел по радио: «Лишь нагнутся к постели твое-ей люди в бе-елых хала-атах». Тогда всё было дефицитом — и внимание человека в белом халате, в том числе.

Какому доверчивому советскому пациенту, в каком бреде, могло придти в голову в то время подать суд на врача? Тем паче: посадить его в тюрьму. Тогда врач был — Царь и Бог, монументален как памятник. Кто же памятник посадит? Кто же с Богом судится?

Вот и отпрыгнулось врачам то золотое советское времечко.

* * *

Если вы думаете, что сегодня женщин унижают и оскорбляют меньше — ошибаетесь.

Включите ежевечернее телешоу. «Тварь!», «Недоженщина!», «Ненавижу таких, как ты!», «Тебе бы в морду дать!» «Таким дурам не место в моей программе, видеть тебя не хочу!» «Пшла вон отсюда! Охрана!».

Аудитория (женская!) вместо того, защитить

сестру свою: допустим, плеснуть из пузырька зелёнку на лысину злобного тролля — набрасывается на несчастную героиню. Срабатывается стадный инстинкт. Ату её!

Да, героини этой передачи не ангелы — в отличие от сплошь ангелиц, которыми набита студия. Сидят, шуршат и оправляют белоснежные крылья за спиной. Все безгрешные, все святые — особенно первый ряд, благоухающий «Шалини», с носами и ушами от Шихирмана, с волосами от Алекса Контье.

Да, отданная на потеху, на растерзание женщина — опустившийся, падший человек — но она человек. А как же «милость к падшим»? А как же: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в неё камень»?

Вот шоумен, подпрыгивая и приплясывая, вошёл в раж, топчет молодую женщину. У той ребёнок выпал из окна: к счастью, не разбился. Как всё случилось: пластиковый подоконник — москитная сетка, держащаяся на соплях, на хрупких фиговинках...

Женщина отчаянно объясняла, что оставить малыша было не с кем, а нужно было сбежать в магазин. Как скрупулёзно и едко ведущий подсчитывал, сколько минут требуется, чтобы сходить в магазин и вернуться. Куда, куда, ясно, за водярой: куда ещё русские бабы ходят.

С каким злорадством обещал лишить мать родительских прав...

И это человек, который со своими останкинскими шестизначными гонорарами давно оторвался от реальности! Который, травли ради, собирает маргинальных женщин и мужчин по всей России в свой шоу-зверинец.

Подкупит, наобещает, привезёт из глухомани. И, под предлогом помощи — в грязь, туды их, ещё глубже — своими брендовыми башмаками.

Нет, помощь он, возможно, окажет: например, предложит бесплатного нарколога. Но перед этим непременно обмакнёт в дерьмо, вывалит с головой. Да с таким патологическим наслаждением — специалистам бы его проверить.

Вот он восторженно поблёскивает очочками из своего уголка, потриает ручки: а что, хороший я вам цирк устроил?

Ха-ароший! Публика довольна. Втаптывать в грязь своих — как это по-русски.

* * *

И вот надо же, буквально на той неделе читаю в интернете новость. В кавказской семье трагедия: в окно выпал ребёнок. Разбился насмерть. Та же история: москитная сетка-убийца.

В отце от горя разыгралась горячая горская

кровь, помутился разум.

В ярости он принялся крушить подъезд дома, в котором жил. Бил и пинал ногами всё, что попадалось на глаза. Говорят (врут, наверно), консержка со страху заползла под стол и затаилась как мышь.

Вот, думаю, тема так тема, аншлаг обеспечен. Прямо просится в передачу нашего шоумена. Уж там наш храбрый ведущий покажет родителям кузькину мать. Пригрозит лишением родительских прав за ненадлежащее выполнение родительских обязанностей. Штрафанёт за порчу казённого имущества. Обзовёт тварями. Размажет по стенке.

Однако — тишина. Всё правильно. Наш аника-воин может воевать только со слабыми женщинами и испитыми задохликами.

Попробовал бы храбрый шоумен вякнуть хоть полслова — боюсь, ему пришлось бы лезть под стол, как той консержке: спасаясь от джигита и его дружной многочисленной родни.

О, думаю, напротив: он бы подсуетился, подобострастно завилял хвостом. Выразил всяческие глубокие, глубочайшие соболезнования. И немедленно кликнул сбор денег для убитой горем семьи.

Посему предлагаю торжественно переименовать передачу. Пусть отныне она называется: «Молодец против овец». А концовка

«Против молодца — сам овца» — будет подразумеваться сама.

SAPIENTI SAT. Умному достаточно.

* * *

Но возвратимся к многострадальным врачам. К эпизодам из многосерийного советского триллера.

Я лежу на сохранении в маленькой городской больничке. Кормят отлично, по четвергам свежесыпеченная вкуснейшая стряпня — кулинарии обзавидуются. По пятницам селедочка с лучком, с горячим нежным, взбитым как пух пюре. Милые, внимательные доктора и сёстры.

Но вот ночью привозят больную. Какая там врачебная тайна, врачебная этика — о чём вы? Наутро всё отделение бойко стрекочет и жужжит о поступившей пациентке. Ей лет тридцать, лица её я не видела, потому что она всё время прятала и отворачивала, своё лицо.

Привезли с обширным химическим ожогом гениталий, особенно пострадало влагалище. Откуда мы столь подробно проинформированы? От нянечек!

Пациентка при поступлении рассказала (вернее, прокричала): мыла окно и нечаянно уселась в тазик с уксусом.

— Ага, — многозначительно хмыкнули врачи. — Рассказывай. В тазик с уксусом она уселась. С неразбавленным, девятипроцентным.

Шушукуются и хихикают сестрички. Чешут язычки санитарки. С горящими глазами — скучна и скудна событиями палатная жизнь — жарко обсуждают горячую новость больные.

Потому что ясно же, что женщина гуляла, вела аморальный образ жизни. Мужики над ней пошутили. Сговорились и обмакнули подружку в уксус. Внутрь бутылочку ввели и хорошенько плесканули: чтоб знала, мочалка, как давать кому попало.

Якобы, такой жестокий способ наказания существует у уголовников.

О чём вы, какое обезболивание при обработке раны? Несчастной даже кричать не давали, шикали:

— Поори ещё тут. Разоралась она. Принцесса.

После пытки в процедурной женщина лежит на постели, закусив подушку, с залитым слезами лицом к стенке. Тихо возит от невыносимой боли ногами. Отверженная, презренная нами всеми: примерными матерями семейств, честными жёнами, невинными советскими девушками, со страхом поглядывающими на «шлюху». А мы-то не такие, мы хорошие!

Сегодня эту страдальицу вытащили бы на шоу. И заплатили бы хорошо, и отсудила бы она у

болтливого медперсонала тысяч триста за нарушение врачебного этикета, за моральный вред.

И, возможно, стала бы звездой, удачно вышла замуж... Ну, дальше сами додумывайте сказку про современную ТВ-Золушку.

* * *

— Полюбуйтесь на неё! Ещё не замужем, а уже девственную пlevу потеряла. Небось, партнёров — со счёту сбилась.

— У меня парень, мы собираемся жениться... — глухо слышится из кабинета. Это защищается моя подружка. Она имела несчастье получить талончик на полчаса раньше и приняла первый удар на себя.

— Знаем мы ваших парней. Больно кому нужны. Жениться на вас. Перед первым встречным ноги раздвигаете...

Это не старушки на завалинке переминают косточки. Это наша участковая, женский врач, собирает анамнез. Орудует смотровыми инструментами, с инквизиторским лязгом бросает в железный поднос.

Мы толпимся в коридоре испуганным стадцем. Хлопаем плоскими казёнными тапками, как овцы в загоне — копытцами. Врача хорошо слышно через хлипкую фанерную дверь. Она старая

дева, может, поэтому такая злая?

— Не доена корова мычит — не обана баба рычит, — шепчет самая бывалая из девчат. Мы прыскаем.

От сквозняка образуется зазор между дверью и косяком. Теперь не только слышно, но и видно происходящее в кабинете.

— А-а-а! — взвизгивает докторица и отскакивает. — Ужас! Где она триппер заработала? Что это из неё струёй хлещет, чуть халат не забрызгала?! Сколько лет работаю, а такой кошмар вижу впервые.

— Это мёд! — подружка чуть не плачет. — Я ставила на ночь тампоны с мёдом! У меня аднексит!

Врач посрамлена, но не сдаётся. Ворчит:

— Ишь, какие слова они нынче знают. Опытные пациентки пошли. *Дают* кому ни попадя — потом яичники воспаляются, трубы зарастают. Микрофлору всякую цепляют... Аднексит у неё! Огонь, воду и медные трубы прошли...

В карте она с удовольствием напишет на самом видном месте, на обороте корочки: «Не замужем. Ведёт активную половую жизнь. Точное количество партнёров не выяснено».

Как штамп, припечатывает на всю оставшуюся жизнь: чтобы и коллеги знали, с кем имеют дело.

Подруга, красная как варёный рак, в слехах, пулей выскакивает из кабинета, на ходу натягивая штанишки.

— Следующая!

* * *

Заметив, что дверь приоткрылась, медсестра-свидетельница позора, не торопясь встаёт, захлопывает белую дверь.

Всё это время она, сестра, откровенно скучала за столом. То посматривала в окошко, то на кончики своих туфель, то позёвывала в ладошку. Разглядывала то маникюр, то пациентку в кресле с торчащими распахнутыми ногами: будто там можно было увидеть что-то новенькое.

Если пациентка попадалась богато и модно одетая — завистливо и недоброжелательно косилась в сторону сумочки, одежды, нижнего белья.

Пока мы сидели на приёме, сестричка дважды выходила в коридор и делала променад по коридору, стуча каблучками. Унесла карту в регистратуру, принесла карту.

Навестила такую же скучающую подружку за стеной. Почиракали. Сходила в буфет, принесла оттуда в промасленном кульке нечто, пахнувшее тестом и варёной капустой, сунула в стол.

«Третья лишняя», — неприязненно думаю я. Я бы много чего о тревожных симптомах рассказала доктору, но... Только с глазу на глаз, без свидетельницы.

Болезнь, особенно на женском приёме — дело тонкое, интимное. Оно категорически исключает присутствия пары посторонних ушей и глаз.

В пять секунд сестричка чиркает рецепт, который ей продиктовала врач. Снова заскучала, зевает.

В соседних кабинетах протирают халатики такие же зеваки и бездельницы, смущают пациенток. Пациентки стесняются, зажимаются и уходят, унося в себе нераскрытые тайны болезней.

«Вот её бы зарплату за ничегонеделание — отдать врачу, — думаю я. — Может, тогда врач не орала бы как резаная, а тряслась над каждой пациенткой. Подобрела бы взором, оттаяла. Отвлеклась от бумаг, вскинула утомлённые, красные от писанины глаза. И увидела, наконец, меня».

И ещё думаю: «Эту бы армию сестриц в ослепительных отутюженных халатиках — да в процедурный кабинет».

Я там только что отсидела в очереди сорок минут. Там бьётся как рыба об лёд одна-единственная медсестра.

«Или они в вену попадать не умеют?».

А однажды наш врач заболела. Участок перебросили к другому врачу, в соседний кабинет. Пухленькая, сдобная, в изюминках родинок, улыбочивая женщина:

— Лапонька, ты чего испугалась, зажалась? Расслабься, не бойся, я потихонечку. Больно? Очень сухая слизистая, нужно попить гормональные. Вот тебе памятка: как при таких симптомах жить с мужем. Знаешь, сколько супружеских пар на этой почве распадаются?

Господи, куда я попала? Не иначе, в женский гинекологический рай, к белому ангелу?

Не хочу хулить свою участковую: она тоже была опытным, умным врачом. Но ох, как я и мои подружки по несчастью завидовали тем, кому посчастливилось проживать на соседнем участке. Быть там прописанными.

Я бы очень хотела перейти к ней, но была на веки вечные, пожизненно привязана, *прикреплена адресом, пропиской, регистрацией* к злющей, психованной старой деве. Такое было тогда (да и сейчас абсолютно сохранилось) *крепостное* медицинское право.

* * *

Лечебница с грязями и ваннами, куда я

приехала подлечиться. Санаторий успешно специализируется на женском бесплодии. В музее санатория за стеклом — письма от благодарных женщин со всей страны. Они лечились здесь и обрели счастье материнства. Здорово обнадеживает.

И только у меня, как всегда, всё не как у людей. После горячего грязевого обёртывания попила в вестибюле чай с мелиссой, шалфеем и мёдом. Вышла, потная, на улицу. Да ещё и в номере колотун: в корпуса тепло не дали, а я мерзлюха...

Хрипы, кашель, температура. Срочно сворачиваю лечение и уезжаю домой. Всю дорогу (автобусом и поездом) меня трясёт лихорадка. Приезжаю — горю огнём и почти брежу. Муж бежит вызывать скорую.

Какие тогда мобильники? Какие стационарные телефоны? Три будки-автомата на большой посёлок из частных домов. Каждая будка в трёх кварталах друг от друга, да и то перманентно не работают.

Что вы хотите. В ностальгическом советском прошлом даже в многоквартирных высотках провести телефон можно было только по крутому блату. Почему? Потому что кто сидел на дефиците — тот и был хозяин положения. Дефицит создавался искусственно.

— Температура 39,9? Тошнит? Из дома отдыха, говорите? — подозрительно вопрошает

фельдшер. — Ах, из санатория? Ну, да один чёрт. — Подмигивает: — Понятное дело. Знакомая история. Как говорится, в Советском Союзе нет домов терпимости, зато есть дома отдыха. — Он почему-то задирает на мне халат и давит на низ живота: — Больно?

Да у меня не только живот, всё тело горит и болит!

— Внематочная, — выносит безоговорочный вердикт фельдшер. — В гинекологию срочно.

У сидящего в изголовье мужа сначала белеет, а потом густо багровеет лицо. Он у меня страшно ревнивый. Он только что приехал с учёбы, мы не виделись три месяца. Ища моё пальто, ворчит: «Так вот, значит, как там санаторий лечит от бесплодия...».

— Какая нематочная?! — ору, вернее, кашляю и хриплю я. Энергично протестую и в неотложке, и в гинекологическом кресле, куда меня буквально затащили силком с порога. — Да у меня не было мужчины три месяца!

— Все вы так говорите. Готовьте операционную. Привезите её карту из женской консультации. Берём пункцию, будет больно...

Блин, а ведь сейчас меня, действительно, выпотрошат как цыплёнка: безвинную, непорочную, оболганную перед мужем и обществом. Выпотрошат — и глазом не моргнут.

Врачи и сёстры носятся туда-сюда. Готовятся к экзекуции, звенят инструментами, выкладывают на подносах страшные шприцы с огромными иглами. Я раздёргиваю шнуры, срываю бахилы, соскальзываю из кресла. Хватаю пальто, брошенное в вестибюле на стулья.

— Беги, беги! Ко мне же через час на операционный стол тебя привезут! — уязвлено обещает вслед доктор, уже облачённая в маску, в перчатки.

— Отвезите меня домой! — умоляю я.

— На скорой мы возим больных! А ты, сама говоришь, здоровая, — мстит она.

Глубокая осень, промозгло, порывистый ветер. Я, с температурой 40, плетусь через больничный городок к остановке. Меня колотит от холода и обливает потом попеременно. Долго жду автобуса, в предобморочном состоянии набиваюсь в полный салон.

Ночью мне становится совсем худо, я задыхаюсь. Но скорую вызывать уже боимся. Ну их, завезут прямиком на операционный стол — и вырежут всё, что под руку попадётся. К чёртовой матери, не дожидаясь перитонита.

Наутро старенькая участковая терапевт прослушивает, простукивает меня. Острый бронхит, слава Богу — не пневмония.

— Поедете в больницу? Не хотите?

Правильно: дома стены помогают. Антибиотики, клюква, сок чёрной редьки внутрь и наружно, для компрессов и растираний.

Ревнивый муж растирает мне спину и ворчит:

— Где это можно так простыть в санатории?

Подтекст: «Ясно где, под кустиками, на холодной земле, на брошенной куртке». Он мыслит заодно со старой девой-гинекологом.

Да пошли вы все. От таких слышу. Каждый думает в меру своей испорченности: и муж, и фельдшер, и гинеколог. К сведению: в то время была мода на диагноз «внематочная беременность». Всем повально его ставили.

Даже анекдот был. Прихромала к врачу девушка, ногу натёрла босоножкой. «У вас внематочная».

Явилась женщина с головной болью. «У вас внематочная».

Приковыляла древняя старушка: понос прошиб и поясница ноет. «У вас внематочная».

Вот и меня, как кур в ощип, угораздило попасть аккуратно в самый разгар медицинской компании. Ультразвука-то тогда не было.

И тестов на беременность ещё не было. Сейчас красота. Смотришь на мокрый лоскуток и, как в анекдоте, гипнотизируешь, внушаешь: «Ну, полосочка, ну миленькая, ну не появляйся, пожалуйста! У-у, выползает, змеюка подлая».

Или же визжишь от радости, подпрыгиваешь и орёшь: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» Дышать вольно можно целый месяц.

Это если беременность сто лет в обед не нужна. А были другие, кто вторую полоску лелеяли и ждали как манны небесной. Взяли бы и расцеловали. К такому относились мы с мужем. Но УЗИ и полосок, повторяю, тогда не было.

Алгоритм действий существовал по-военному чёткий. Задержка? Марш становиться на учёт и получать на руки обменную карту. Внезапное кровотечение? Чистить и резать к чёртовой матери, не дожидаясь перитонита.

Из обезболивающих — в лучшем случае укол новокаина. И грозный рык врача:

— Чего орёшь? Поменьше надо было перед мужиком ноги раздвигать!

Помогает стопроцентно: вопли из абортария мигом утихают.

В самом деле, у врача нервы не железные, с утра до вечера слушать вопли, как в гестапо.

Но самая лучшая анестезия: крупная тёплая рука стоящей в изголовье медсестры. В самые невыносимые, мучительные моменты сжимаешь эту спасительную руку сильно-сильно.

Медсестра потом не то хвастается, не то жалуется, разглядывая синяки и ранки от

впивавшихся ногтей: «Оторвёте ведь когда-нибудь руку-то. Аж онемела. За день двадцать раз как в тисках побываешь...».

Ей бы на ставку штатного анестезиолога.

Когда выписывалась, меня вдруг осенило. В старших классах, было дело, в холодной речке простужала ноги. После этого ко мне, на тогдашнем школьном сленге, «не приезжали гости». Не отрывался «красный день календаря». Я «не выбрасывала красный флаг». Ну, господи: не наступали критические дни!!

И вот, когда меня осенило, я спросила врача:

— А может, и не было никакой беременности? Может, простое переохлаждение?

— Может, — равнодушно пожала плечами врач-живодёр. — Сроки маленькие. Ты ведь не стеклянная, а мы не Господь Бог — насквозь не видим. Но лучше перестраховаться.

Страшно подумать, сколько в то время, ради перестраховки, чистили (выскабливали) «чистых», без вины виноватых, пациенток. Делали аборт «яловым» женщинам. В том числе и нерожавшим первотёлкам, как я. Ставя под угрозу моё будущее материнство.

Какие там 20 миллионов долларов за физический и моральный ущерб.

* * *

Нынче смотришь телевизор: совсем американские феминистки оборзели. Сексуальные домогательства, сексуальные домогательства... Эх, не нюхали эти недотроги войны и безмужичья.

Да у нас мужик по попе от души, звонко наподдаст — это же наилучший комплимент. Бабонька расцветёт и весь день светится, будто в лотерею выиграла. Будто ей премию в размере месячного оклада выдали.

Да за сексуальные домогательства она сама бутылку поставит и закусь соорудит, чтобы домогательства эти довести до логического завершения.

* * *

А всё-таки лечение в санатории дало свои плоды. Во мне завязался крохотный будущий плодик. Произошло это в далёком южном городе, вдали от дома, от мамы, родных и подруг.

Уже когда лежала на сохранении, ночью хлынула кровь. Соседка из палаты пошла искать врача, не нашла — разбудила медсестру. Та, недовольно ворча, отправилась за дежурным доктором — и пропала. Прошло двадцать минут, полчаса. Палата уснула.

И я встала, законопатила свой кровавый фонтан всеми ватно-марлевыми принадлежностями, которые откопала в тумбочке. И поплелась спасать себя и ребёночка, если что-то там ещё от бедняжки осталось.

...Сестринский стол пуст, только лампа горит. Тощая, в длинной белой ночнушке, я была похожа на Кентервильское привидение.

Я слонялась по четырём длинным холодным этажам. Несмело взывала в спящее пространство: «Эй, пожалуйста, помогите кто-нибудь! Хэлп ми!». Эхо в ответ.

Совалась в какие-то двери. За одной обнаружила спящую, как ни в чём не бывало, нашу дежурную сестру: так-то она искала доктора! Я на цыпочках подошла, тронула за плечо.

— А-а-а! — заорала она, подскакивая, пугаясь в простынях. Я чуть не родила от неожиданности.

— Я чуть не родила, блин! Чего тебе?

— Кровь... — заплакала я.

— А я-то при чём, что я сделать могу? Не подошёл, что ли, врач? Вот гад. Он в ординаторской дрыхнет, — выдала она с потрохами своего шефа. Переадресовав, зевнула и снова рухнула в койку... Досыпать.

Я брела, кровь лилась ручьём. В ординаторской на кушетке вырисовывался уютно свернувшийся калачиком силуэт под простынёй.

Силуэт закашлялся и поднял бородатую голову.

— Я из шестой палаты, у меня кровотечение...

— Раз кровотечение, так чего шляетесь по коридорам? Идите в смотровую.

Силуэт широко зевнул, закурил, осветив зажигалкой мятый нос и всклокоченную бороду. Я узнала заведующего отделением: он сегодня дежурил. Слава Богу, про него говорят: волшебник.

Он действительно пришёл минут через десять. С недовольным лицом, даже с отвращением, осмотрел меня. А разбудите-ка вас в третьем часу ночи — я посмотрю, какое у вас будет лицо? Такая у меня (такая у всех) тогда была психология. Мы все чувствовали себя вечно перед всеми виноватыми.

Ладно ещё, если бы я была жена или дочь уважаемого в городе аксакала. А то какая-то приезжая: ни навара от меня, ни шерсти, ни мяса. Один визг как от поросёнка.

В нашей-то родной, северной больнице порядки были ещё старой закалки: и палатные девчата бы не уснули и подняли всех на уши. Нянечки бы бегали, доктор бы куда-нибудь звонила. В маленьких среднерусских и уральских городках ещё сохранялись островки советской, «сталинской» дисциплины.

Но здесь вам не тут, как говорил серебряный

голос России Черномырдин. И я уже не удивлялась, что к дочке директора молзавода лечащий врач подходит пять раз на дню, а ко мне, дай Бог, хоть раз на обходе лицо обернёт.

К слову, та дочка была прелестное, славное существо (Людочка, если читаешь, привет!). Она щедро кормила нас дефицитом, которого многие из нас в глаза до этого не видели. Я впервые попробовала крабов и чёрную икру!

Она тоже была беременна и привередничала в еде. Однажды из ресторана ей привезли большой пакет горячих киевских котлет. А она к тому времени уже их расхотела. Пировала вся палата!

Но я отвлеклась. В ту ночь заведующий бегло осмотрел меня, сообщил, «что всё закрыто». Сам сделал укол магнезии: видимо, чтобы не беспокоить спящую медсестру-мегеру.

И беременность потихоньку себе покатила дальше. Никто наутро не подсел ко мне на кровать, не успокоил и не объяснил, что за фонтаны из меня били. Кололи ту же магнезию, а когда животик подрос — выдали таблетки партусистена: жуй!

Всё на свете имеет конец. Вот и больничное заключение закончилось. В обменной карте тоже ни словом не обмолвились о том ночном происшествии. Потому что врач, делая мне УЗИ, удивлённо воскликнула: «Да у вас предлежание плаценты!».

Я, в силу своей медицинской безграмотности, не придавала значения этому грозному диагнозу. Гораздо больше меня занимал пол ребёнка.

Поэтому, придя домой, я обрадовала мужа:

— Кричи «ура» и бей в ладоши!

Он послушно завопил «ура» и захопал.

— У нас будет девочка! Сказали, сердечко хорошее, бьётся громко и ясно. И срок мне поставили на целый месяц больше! Я выхожу в декрет!

У мужа заканчивались экзамены, и рожать мы поехали домой.

Дома всё было о кей, всё своё, родное.

Ещё раз напомню: что такое предлежание плаценты и с чем его едят, я представления не имела. Я была настолько легкомысленна и так радовалась свободе, что вообще забыла о словах УЗИста.

Но почему в обменной карте ни словом не упоминался диагноз — это для меня до сих пор тайна из тайн. Может, УЗИстка обиделась, что я не принесла ей гостинец: баночку консервов из красной рыбы и хомут из рулонов туалетной бумаги, как несли прочие пациентки? Я бы с радостью, но откуда у меня доступ к дефициту, у неработающей жены студента?

На консультации у платного врача я красочно рассказала о кровотечениях, как «прямо по ногам

текло». Она, должно быть, подумала: «Ох, уж эти нервные возрастные мамашки».

И ласково поправила: «Не кровотечения — а выделения. Кровянистые выделения довольно часто встречаются у беременных».

Она могла послать меня на УЗИ в краевой центр — и всё повернулось бы по-другому. Но она поверила бумагам.

На этом мои обвинения в адрес людей в белых халатах заканчиваются. Потому что во всём, что случилось дальше, виновата была я одна.

* * *

Ксюшка — так я назвала девочку, — вообще была смышлёным ребёнком. Мы переговаривались.

— Ау! — говорила я своему животу: — Ты где там затаилась? С добрым утром! Хватит спать! — и через минуту доносились ленивые потягушечки и мягкие, милые упругие толчоочки-пружинки. Она здоровалась со мной изнутри: «Я тут, не волнуйся!».

— Ты чего разбушевалась? Пора спать, все послушные детки уже спят!

Ксюшка будто несколько мгновений «обдумывала» мои слова. И, нежно, щёкотно двинув меня кулачком или пяточкой на прощание, утихала до утра. Удивительный, гениальный

ребёнок!

Если она, ещё не родившаяся, всё-превсё понимает, тогда что нас ждёт при встрече?! Что мы с такими талантами-то делать будем?!

Сколько нам с тобой, Ксюха, пришлось вместе вытерпеть. Чужбину, страх потерять друг друга навсегда, адские муки токсикоза. Мечты о солёных рыжиках и обычной картофельной пюрешке. Элементарный голод (вам лучше не знать, как «кормили» в той южной больнице!).

Слава Богу, мы всё с тобой выдержали. Всё позади. Девочка моя, как жадно, жадно я тебя жду!

* * *

В среду была у врача («Сердечко-то какое хорошее! Как моторчик работает») — и записалась на приём на понедельник.

В субботу почувствовала тяжесть. Но ведь такое время от времени бывало. Нужно только полежать. Ксюшка стала сонной и неохотно отвечала, когда я её пыталась растормошить, расшевелить...

Потом вообще перестала отвечать. «Эй, засоня!». Ксюшка молчала.

Во мне боролись два страха. Страх, что что-то случилось. Но ведь ничего страшного с нами уже не может случиться! Всё уже так хорошо.

Слишком много пережито, чтобы подвергнуть меня новым испытаниям. И примешивался эгоистичный страх, после семи месяцев заключения, оказаться снова в больнице. И ведь сказали в больнице: рожаем через месяц.

А тяжесть всё сильнее. И вызови я скорую — да пешком доплетись до дежурного врача — ещё можно было *всё* поправить, спасти.

В воскресенье, после суток молчания, Ксюшка во мне внезапно ожила.

Да как бурно ожила: живот ходил ходуном. Он несколько минут бешено вздымался и опадал холмами.

— Ну, наконец-то, вот она ты! Что же ты меня пугаешь?

А это Ксюшка во мне билась в агонии. До сих пор она таилась, сжавшись комочком, пытаюсь беречь последние граммы кислорода. И вот всё. Конец. Мама предала дочку, не услышала, не поняла её. Мама стала для неё живой могилой.

Но я ещё ничего этого не знала. Живот давил гирей. Когда плацента отслаивается, начинается кровотечение — и обычно мать и дитя успевают спасти.

Но я была накрепко заколота сохраняющими, расслабляющими препаратами. Кровь во мне (потом объяснили) скапливалась как в мешке.

Звонкий щелчок на всю комнату, как звук

выбитой пробки от шампанского. «Мешок» лопнул, море горячей крови и околоплодных вод заструилось по ногам.

Два часа ночи. Муж на практике в южном городе. Брат на заводе, на смене. Мама в деревне. Ближняя соседка — столетняя старушка: её от вида меня, окровавленной, хватит инфаркт.

Я, едва передвигая ногами и оставляя на бетонной дорожке кровавый след, ковыляю во тьме к телефону-автомату. К тому, что за три квартала. Только бы он работал!

Диспетчер скорой не может поверить, что я, рожаящая, истекающая кровью, сама звоню по телефону-автомату. Долго уточняет, где я, как проехать. Как найти меня в частном посёлке среди сотен спящих домиков.

Я, рыдая, называю координаты. Говорю, что буду сидеть на заборчике ближе к дороге. Очень быстро слышу шум и вижу свет фар. Они не видят меня в темноте!

Неотложка, переваливаясь, медленно едет мимо и удаляется! Я вскакиваю и... бегу за машиной, поддерживая живот. Если можно назвать это бегом.

В машине спрашиваю врача: «Такое может быть?» — «Нет, так не должно быть».

В больнице уже все наготове (слава Богу, я не на юге, где прежде чем зашевелятся, нужно дать

хорошего пинка или сунуть на лапу). Ярко освещённый подъезд, носилки, тёплые одеяла. Много людей белых халатах, капельницы с двух сторон, доктора с трубками...

— Будем кесарить. Сразу предупреждаю: ребёнок мёртв. Сердцебиения нет. Спасать будем вас.

Другая, молодая врач приникает к моему опавшему животу.

— А вот, вроде, стучит, трепещет...

— Это у матери, крупный сосуд.

Всё хорошее для меня кончено. Впереди ждут недели и месяцы горя и проливных слёз.

Да, ещё из кабинета врача странным образом, с концами, исчезла моя обменная карта. И теперь я думаю: ведь в ней находился снимок УЗИ. В нашем городе такого аппарата не было. Следовательно, не было специалиста, который мог бы прочитать снимок. Следовательно... Если бы да кабы, в лесу росли грибы...

Какие суды, какие претензии, какие миллионы? Бог с вами! Ни мне, ни маме, ни мужу это в голову не пришло. Спасибо, что сама жива осталась.

Да и не было тогда такой практики: судиться. Мы винули только самих себя.

И хватит о грустном. Поговорим о веселеньком. Например, об очередном зарубежном триллере. Мы смотрели его всей палатой.

Это нынче каждая уткнулась в свой айфон или ноутбук — и тишина, только слышно клацанье кнопок. Не палата, а машинописное бюро. Никакой атмосферы коллективизма.

Раньше в каждой добропорядочной палате имелся один, а то и два переносных телевизора. Все фильмы бурно комментировались и обсуждались.

Итак, фильм. Действие завязывается с того, что одна мэм, верная супруга и порядочная мать семейства, ждёт малыша. («Кикимора. Костлявая, как смерть. Да ещё хронически больная, — беспощадно припечатывают героиню зрительницы — У нас на такую мужик и не взглянет»).

Во время осмотра мэм подозревает своего лечащего врача («Хорошенький какой!») — как вы думаете, в чём? Конечно, в сексуальных домогательствах. Потому что кто о чём, а шивый о бане. («И чего он в ней нашёл?!»).

Она лежит в кресле — и прислушивается, и приглядывается, и мучается сомнениями. И замечает: перед обследованием он снял перчатку! Сомнения рассеялись: перед нею маньяк в белом халате!

Дело передают огласке. Доктора судят, с позором лишают практики, он кончает с собой. Его жена (тоже беременная) от стресса рождает мёртвого ребёнка. Ну, дальше вы все смотрели.

— Фу! — мы тут жеперебегаем на сторону героини. Плюёмся мы и брезгливо передёргиваемся. — Извращенец! Похотливыми лапами — *туда!* Да мы даже мужьям не разрешаем. Да мы...

Но тут подаёт голос нянечка Прокопьевна. Она примостилась на кончик кровати, отогнув матрас, да и просмотрела весь фильм.

— Цаца нашлась! Спасибо бы сказала, что на такую позарился. Ни кожи, ни рожи. Не тронь её, видите ли. Могла и перетерпеть. А из-за неё, ведьмы, у безвинного человека дитё мертворождённое получилось. Жена-то ей в чём виновата? Убийца ваша мэмка, вот кто. Ведьма носастая!

Прокопьевна — суровая, сухая, как жердь, старуха. Не развратница, ни, Боже упаси, мазохистка. Она дочь матери военного поколения.

Благоговение перед Мужчиной, великая, всеобъемлющая бабья жалость и снисхождение — они на уровне генной памяти передаются, что ли?

У мужчин в России короткий век — так повелось. Природа — мудрая, предусмотрительная баба. Мальчиков рождается больше, чем девочек: про запас. Именно тогда появилось поверье: «Если

мальчиков рождается больше — это к войне».

А разве перестройка — не война? А водка?

* * *

Прокопьевна переломила ситуацию. Разделила палату на два лагеря.

В разгар обсуждения в палату всплывает Ниночка. Именно всплывает, как королева. Лицо сияет, рот до ушей. Ей тридцать лет, и она чертовски хороша собой. Если бы объявили общегородской или даже областной конкурс «Мисс больная» — она бы заняла первое место.

Кожа смугло-абрикосовая, золотистая. Фигура — литая: будто в полуую статую Богини плодородия влили червонное золото. Оно приняло соблазнительные женственные формы, перетекло в мощные и плавные изгибы.

Можно подумать, Ниночка вернулась не из смотрового кабинета, а с королевского раута.

— Девчата, уморушка, ну, я не могу! — счастливо жалуется Ниночка. — Уж эти мне мужики! Наш-то тихоня и праведник, Алексей-то Петрович (молоденький врач, ведущий палату)... Влезла я в кресло, растопырилась, лежу. А он пишет, пишет чего-то в карту. Три минуты пишет, пять.

— Алексей Петрович, — говорю, — может, я

пока на кушетке посижу?

— Нет, говорит, Ниночка, ничего-ничего, лежите-лежите.

— Холодно, говорю, Алексей Петрович, ноги озябли.

— А я вот форточку закрою, чтоб не дуло. Лежите-лежите, одну минуточку...

А я-то вижу: он будто ненароком косится. Попишет — и зыркнет. Попишет — и зыркнет. Насмотрелся, налюбовался бесплатного стриптиза, чёрт! Одна минуточка на двадцать минут растянулась.

Ниночка от души хохочет. Она замужем и никогда не изменяла мужу даже в мыслях. Но ей и смешно, и лестно, что даже врачи-мужчины видят в ней не пациентку, а Женщину. Ну, полюбовался мужик на раскрытый цветочек аленький — что её, убудет, что ли?!

А ведь та сутяжница, американка-феминистка, тут же Бог знает что усмотрела бы в этом маленьком происшествии. Спрыгнула бы с кресла и поскакала строчить жалобы на вуайериста. Хотя где она со своей чёрной кожей и костями — а где пышная, сдобная, белая и румяная Ниночка. Не баба, а сметана. Наливное яблочко.

Такой вывод дружно делает наша большая палата. Мы все пузатики, все сохраняемся.

Мы все беременны мальчиками...

Сюрпризики

У меня есть знакомая, назовём её Маруся: прекрасная женщина, красавица, душа компании, заводила, хохотушка. Хлебосольная, мастерица на все руки, а песни поёт... Коня на скаку, в горящую избу, и так далее.

Я беру её с собой на рынок — вернее, она сама напрашивается, хлебом не корми. У неё, например, талант сторговать хорошее мясо или рыбу, а то мне вечно подсовывают дрянь. Или в магазине — если предстоит выяснение отношений при возврате некачественной вещи. У Маруси прямо глаз загорается в предвкушении борьбы за справедливость и за права потребителей.

Она никогда не ругается, не скандалит, не повышает голоса. Вздохнёт — и тщательно, вдумчиво, многозначительно, не спеша начинает поддёргивать и закатывать рукава.

Делает это как перед трудоёмкой, но необходимой работой — чтобы не запачкаться. Этого достаточно, чтобы чирикающие продавцы сбились в кучку и притихли. Они сразу чувствуют в Марусе достойного соперника.

Видимо, в процессе борьбы за справедливость она подпитывает себя энергией. Румянеет, хорошеет, молодеет, расцветает на глазах. Помните, в фильме «Вокзал для двоих»: «Ну, наглая, а? В

магазине тебя оскорбляют, придёшь на рынок отдохнуть...»?

Раскатывая рукава обратно, Маруся удовлетворённо замечает:

— В следующий раз проблемы будут — снова меня зови.

Я-то совершенно не умею ставить себя с людьми, от которых завишу. Например, с домработницами: их я иногда приглашаю сделать генеральную уборку. Большой дом давно стал обузой, но продать рука не поднимается.

Раньше приходила тётя Маша. Я уезжала по делам, а её оставляла на целый день. По приезде меня встречал смущённый, притихший дом. Он стоял, как бы потупившись, ошеломлённый непривычным, идеальным порядком.

Сиял промытыми глазами окон, парил, дышал свежестью, девственной чистотой, невинностью. Он не верил в собственную красоту, как Золушка перед балом, как преображённая свадебным нарядом дурнушка. В солнечном или электрическом свете безупречно блистало и переливалось, радовало глаз всё: от кастрюли до плитуса, от лестничной ступеньки до висюльки в люстре.

Тётя Маша уехала к дочери в другой город. Сейчас я сама обречена бороться с пылью и грязью. Потому что тётя Маша меня избаловала и

развратила. Я сравниваю приходящих женщин с тётёй Машей, далеко не в их пользу.

И понимаю: настоящая, родная домработница — это находка, редчайший талант. Штучный товар. Сердце дома. Бриллиант чистой воды. Член семьи.

Какой дурак сказал, что незаменимых людей не бывает?!

Прошу подругу поделиться своей домработницей, «на разочек». Куда там. Вцепилась мёртвой хваткой. Молчит как партизанка. А ну перехвачу, переманю?! Подруга, называется. С другой стороны, как можно делиться членом семьи?

Женщины, которые откликаются на объявления или бывают присланы клининговой фирмой, у них свой прайс. 1 кв. метр — 100 руб. Или 150.

Увы, это женщины по вызову. Дневные бабочки. Пуганы в кружевных фартучках, крутящиеся вокруг шеста... То есть вокруг швабры. Им надо быстренько отбарабанить постылую обязательную программу и бежать к следующему клиенту.

Имитируя уборку, с грохотом двигают кресла, столики, кашпо с цветами. (О Боже, опять царапины на полу!). Не жалея льют средство для мытья полов: потом три дня не выветришь. Щёткой энергично размазывают лужу посередине комнаты, чтобы пахло сыростью.

Пара таких уборок — и между половиц в утеплителе вырастет плесень. В ковре после сухой чистки скрипят крошки «ваниша». Какая там душа.

— Вы меня извините, но вот тут у вас грязь. И тут, — несмело разоблачаю я ретивую уборщицу. Поднимаю с «чистого» пола вынесенные сквозняком пушистые комки кошачьей шерсти. Провожу пальцем между рёбрами паровой батареи — черно.

Поджимание губ, хмыканье, полупрезрительная улыбка, невнятное бурчание под нос.

— Вы что-то сказали?

— Бу-бу-бу. Языком, что ли, ей пол вылизывать.

— Что, что?

— Ничего, это я так.

Нет, распустила, испортила, изнежила, изварлыжила меня тётя Маша. Лучшее — враг хорошего.

...Ширк-ширк сухой тряпкой — нетерпеливо, с заметным раздражением. Пританцовывают, гарцуют как лошади (на следующей точке вызова клиент заждался):

— Ну, теперь чисто?!

Я вынимаю купюры. Мне хочется, чтобы это чужеродное существо быстрее покинуло стены дома. Легче самой переделать орехи.

Я не могу с видом фурии ходить по пятам, уперев руки в боки и тыкая пальцем:

— Вот здесь тряпочкой извольте пройти. И здесь.

Стыдно, ведь мы взрослые люди, а приходится отчитывать, как нашкодившую школьницу.

Ау, тётя Маша, где ты?!

Кролики и удавы

Итак, я не умею ставить себя с людьми, от которых завишу. Со строителями, сантехниками, электриками, землекопами, автослесарями.

Хотя вообще-то это они зависят от меня. Они заинтересованы, чтобы сделать всё, без сучка и задоринки. Это я нанимаю их, чтобы починить сантехнику, холодильник, электродвигатель, крышу. Провести земляные работы.

По правилам игры, я должна задавать тон и ставить условия. Но почему снова и снова чувствую себя перед ними как кролик перед удавом?!

О, я изображаю из себя деловую. Мол, не смотрите, опыта у меня ого-го. Я тёртый калач. Стреляный воробей. Меня на мякине не проведёшь. Будьте добреньки, договор об оказании услуг по пунктикам, чтобы потом никаких непоняток.

— Брось, хозяйка, — добродушно гудит

бригадир Миша. — Не смеши людей. Мы тебе что, на бандитов похожи? Сфуя... То есть сделаем, как для себя. Делов-то на ёп...

Миша обиженно бьёт себя в гулкую широкую грудь. Напирает, загоняет меня в угол, нависает, божится, дышит переваренным луком. И я сникаю, сдаюсь. Чувствую себя нелепой и смешной с листочком «договора». В самом деле: выкопать траншею длиной восемь метров, глубиной полтора... Делов-то.

А что матерятся... Вон, в Кремлёвском Дворце со сцены поют блатняк — и ничего, народ доволен. Подтопывает ногами в такт, подпевает.

Через 15 минут Миша возникает на пороге:

— Хозяйка, мы так не договаривались. Там щёбёнка пошла. Дофу... достало выковыривать.

Обещаю доплатить «за щёбёнку». Ещё через 15 минут — грохот гневно швыряемых лопат и ломов, топот могучих гегемонских сапог.

— Хозяйка, давай расчёт. Наёп... То есть наткнулись на бетонную фуяку. На глыбу, в смысле. Мы подряжались — что?

— Что?

— Мы подряжались землю копать, а не экскаваторными ковшами вкалывать.

— Мы договаривались выкопать траншею!

— Вот сама и копай. Сколь на часах-то? О, ёп! Уже десять! Сколь там накапало?